

Войпреку
Всем
ПРАВИЛАМ

Нина Кислицына

Вопреки всем правилам

«Автор»

2026

Кислицына Н.

Вопреки всем правилам / Н. Кислицына — «Автор», 2026

Девятнадцатилетняя Маргарита уходит из родительского дома — от отца, который все годы срывает на ней злость за чужую вину. У неё нет ни денег, ни поддержки: только съёмная комната и ночные смены официанткой в кафе. В одну из таких ночей её спасает от пьяного незнакомца красивый парень. Через несколько дней Маргарита видит его за семейным столом — это жених её сестры. Год, который начинается этим вечером, вместит всё: тайную любовь и предательство, несправедливые слова, услышанные от самого близкого человека, внезапную встречу с тем, кто окажется сильнее и надёжнее, — и страшную семейную правду, которая перевернёт её жизнь ещё раз. Чтобы выстроить своё место в мире, ей придётся потерять прежнюю семью и найти настоящую. История о девушке из ночного кафе, которая выросла в женщину, строящую дома, и о любви, которая начинается за чашкой заварного кофе в три часа ночи.

© Кислицына Н., 2026

© Автор, 2026

Нина Кислицына

Вопреки всем правилам

Глава 1

В два часа ночи зал был почти пуст. Марина уже ушла — переоделась в подсобке, вышла через чёрный ход, крикнув на ходу, что завтра её не будет, — и Маргарита осталась одна на всю смену до семи. Кофемашина остывала, пахло подгоревшим молоком и лимонной «химией» для пола. Она собрала со столиков чашки, вытерла липкое пятно от сиропа у дивана, высыпала мелочь из кармана фартука в ладонь. Восемьдесят два рубля. Хватит на проезд и на батон.

За окном висел свет фонаря, и в нём медленно крутилась мошкара.

Пьяный пришёл около трёх. Не шатаясь, нет, — такие держатся ровно, пока не откроют рот. Лет сорока, в рубашке с коротким рукавом, на шее цепочка, на пальце широкое кольцо. Он сел за угловой столик, отодвинул пепельницу и попросил коньяк. Коньяка в кафе не было никогда. Он попросил ещё раз, будто от повторения спиртное могло появиться, и тогда Маргарита принесла ему чай.

— Ты чего как неродная, — сказал он, глядя не в чашку, а на её блузку под фартуком. — Посиди со мной.

— Я работаю.

— Работай. Я не запрещаю.

Она ушла за стойку. Он выпил чай, потом долго и молча смотрел, как она составляет стаканы на поднос, и это молчание было хуже слов. Потом встал.

Маргарита успела подумать: расплатится и уйдёт. Она даже потянулась к кассе, чтобы дать сдачи. Он взял её за предплечье — не грубо, скорее как берут за ручку двери, чтобы открыть, — и потянул к выходу. Поднос слетел на пол, стаканы покатались, один разбился под стойкой.

— Машина рядом, — сказал он спокойно, почти ласково. — Пять минут. Никто не узнает.

У неё стало пусто в голове и очень холодно в пальцах. Она упёрлась каблуком в порог, понимая, что этого мало, что он тяжелее её килограммов на сорок, и что в кафе нет никого, кроме охранника, который курит на улице и вряд ли услышит.

Дверь звякнула.

Парень вошёл быстро, не разглядывая зал, и сразу увидел их — её руку в чужой ладони, осколки, поднос. Он не стал кричать и не стал спрашивать, что происходит. Он взял мужика за кисть и разжал её — двумя пальцами, надавив на сустав, коротко, будто выключил выключатель.

— Отпусти.

— Ты кто?

— Через дорогу живёшь? — Парень не отвечал на вопросы. — Машина твоя где?

Пьяный попробовал дёрнуть руку обратно. Ему не дали. Тогда он сделал то, что делают все такие: сначала попытался засмеяться, потом сказать, что все тут шутят, потом — что девка сама подошла. Парень молча вывел его на улицу. Слышно было, как на асфальте взвизгнули тормоза, как хлопнула дверь, как мотор отъехал и стих на повороте.

Маргарита сидела на корточках и собирала осколки в совок, хотя руки немного тряслись и совок был не для этого, — просто надо было что-то делать.

Парень вернулся. Постоял у стойки, оглядел пустой зал, потом принёс из-под дивана поднос.

— Он тебя не задел?

— Нет. — Она поднялась. Колени были как чужие. — Спасибо.

— У вас тут всегда так?

— Работа такая.

Он не засмеялся над этой глупой фразой, просто посмотрел на неё внимательнее, чем ей было нужно: лет двадцати трёх, тёмные волосы подстрижены коротко, футболка на плечах сидела плотно, на костяшках правой руки свежая ссадина. Он вытащил из-под стола совок, который она уронила, поставил на место.

— Я кофе у вас ещё могу выпить? — спросил он. — Вроде ночь, а спать всё равно не хочется.

— Можете, — сказала Маргарита и вдруг обнаружила, что говорить с ним легко, как будто они уже знакомы лет пять.

— Тогда два. Я угощаю.

— У нас машина остыла. Придётся из заварного.

— Заварной нормально.

Она поставила перед ним две чашки, включила плиту, насыпала в турку, и всё это время чувствовала, что он не разглядывает кофе, часы на стене и разбитое стекло под стойкой, а смотрит на её руки.

Кофе получился горьким — она пересыпала. Он выпил весь, не поморщившись, и попросил второй, чтобы дать ей повод не стоять столбом.

— Дарк, — сказал он, когда она наконец спросила.

— Это имя или прозвище?

— Имя. Мама так назвала. Ей нравилось, что оно ни на что не похоже.

— Маргарита.

— Знаю. — Он кивнул на бейдж, приколотый к фартуку. — Прочитал.

Она почему-то смутилась, будто её поймали.

Дальше пошло само. Он не расспрашивал её ни о чём опасном — не про родителей, не про деньги, — а говорил о себе мало и ровно: приехал в город на две недели, может, на три, по работе; живёт в съёмной квартире на набережной, окна во двор, где с пяти утра начинают греметь мусорные баки; не пьёт, потому что с четырнадцати лет в зале и привычка осталась; с пьяным справился не потому, что смелый, а потому, что тот держал её неудобно и открывался сбоку. Маргарита слушала и вытирала столы вокруг него, а он доедал вчерашний чизкейк, который она не хотела выбрасывать, и они незаметно съели его вдвоём, двумя ложками, из одной тарелки.

В зале горела каждая лампа — на ночь включают все, чтобы не так страшно, — и свет лежал на его лице ровно, без теней. У него была манера смотреть в глаза чуть дольше, чем принято, и от этого каждую его фразу хотелось переспросить, хотя она понимала каждую.

— Ты здесь надолго? — спросила Маргарита и тут же прикусила язык: слишком похоже на то, как спрашивают в кино.

— Я не знаю, — сказал он честно. — Как получится.

В пять за окном посветлело, мошкara из-под фонаря ушла, и стали слышны машины. Он посмотрел на часы и поднялся.

— Тебе когда сдавать смену?

— В семь.

— Осталось два часа. Я тут посижу, если не выгоняешь.

Он просидел до семи, читая что-то в телефоне, и не задал больше ни одного вопроса. Она мыла полы, и спиной чувствовала, что он поднимает глаза, когда она проходит мимо.

Он ушёл, оставив под чашкой двести рублей — вдвое больше, чем стоило, — и не написал ей ничего. Ни на салфетке, ни в чеке. Только сказал у двери:

— Не садись в машину к таким, как он. Даже если очень попросят.

— Обещаю.

Номер они не оставили. Ни он, ни она. Она поняла это, уже когда шла домой под жёлтым утренним светом, и остановилась посреди тротуара, потому что поняла, что больше никогда не сможет его найти. В городе восемьсот тысяч человек, а он тут на две-три недели и живёт где-то у набережной, где окна во двор и гремят баки.

Дальше пошли дни, все на одно лицо. Она вставала в обед, ела, что было, шла в универ, потом — смена, потом — домой, спать, и в этом расписании для Дарка не оставалось ни одной щели. А он всё равно был везде. В кофемашине, которая наконец остывала и работала; в угловом столике, за которым она больше никого не сажала; в осколке стакана под стойкой, который она нашла через три дня, когда мыла по углам. Она даже один раз, возвращаясь ночью, прошла лишние три улицы вдоль набережной и смотрела на окна. В двух горел свет. Она так и не решила, какие.

На пятый день мама позвонила в девять утра — в тот единственный раз, когда Маргарита могла спать.

— Ритуля, ты можешь приехать? Сегодня. К шести.

— Что случилось?

— Ничего не случилось, всё хорошо. — Мама говорила быстро, как говорят, когда за спиной кто-то стоит. — Камила познакомит нас со своим женихом. Мы хотим, чтобы ты была.

Маргарита лежала, глядя в потолок, где на стыке плит висела тёмная полоса. Ей совсем не хотелось в тот дом, где отец смотрит сквозь тебя, как сквозь стекло, а сестра говорит так, чтобы задеть. Но мама сказала «чтобы ты была» — значит, уже сказала что-то там, внутри, за своей спиной: «Она приедет, я попрошу».

— Хорошо, — сказала Маргарита. — В шесть.

Она подумала: интересно, что за человек взял в жёны Камилу. Камиле двадцать четыре, у неё красивое лицо и голос, который делает ласковым всё, кроме родной сестры. Такого жениха Маргарита заранее жалела, от всей души, и от этой мысли ей стало легче дышать.

Дверь ей открыла мама — в фартуке, с мукой на виске, пахнувшая тестом и луком. Обняла крепко, на секунду спрятав лицо у неё на плече, и отпустила быстро, будто боялась, что увидят.

Из гостиной шёл телевизор. Отец сидел в своём кресле, справа, как всегда, и не повернул головы. Он держал пульт и смотрел на экран так внимательно, как не смотрел на неё уже года три.

— Здравствуйте, — сказала Маргарита в комнату.

Отец переключил канал.

Камила вышла из своей комнаты уже при полном параде: платье цвета топлёного молока, серьги, волосы уложены так, что ни одна прядь не смела шевельнуться. Она прошла мимо Маргариты к зеркалу в прихожей, поправила браслет и сказала, ни на кого не глядя:

— А, ты пришла.

— Пришла.

— Хорошо, что без опоздания. Он не любит, когда ждут.

Маргарита села на край дивана, где раньше сидела только бабушка, потому что это место у окна, и смотрела, как сестра в третий раз переставляет вазу с пионами на серванте.

— И как его зовут? — спросила она.

— Дарк.

Маргарита на секунду замерла. Совпадение было большое, но таких имён в городе хватает, и она тут же себя одёрнула: не приписывай живому человеку того, кто тебе просто снился четыре ночи.

— Даже не спросишь, кто он? — Камила наконец повернулась, и лицо у неё было как у человека, который держит за спиной подарок и ждёт, когда попросят показать. — Он из другого города. Работает в строительстве, у него там своя бригада. Ему двадцать три. Он красивый. Не то что твои... — она поискала слово и не нашла нужного, — официанты.

Мама из кухни крикнула, что скоро всё будет готово, и чтобы девочки не ссорились.

— Из другого города, — повторила Маргарита. — И что, он тебя любит?

— Обожают.

— Тогда странно. Ты же вредная.

— Что?

— Я говорю, тебе повезло, — сказала Маргарита ровно. — Умный, при деньгах, красивый. И выбрал тебя. С чего бы, интересно.

— Тебе просто завидно.

— Мне некогда завидовать, я работаю ночами.

— Вот и сидела бы там.

— Сидела бы. Только мама позвала.

Камила фыркнула и ушла на кухню, откуда тут же донеслось: «Мама, ты слышала, что она говорит?» Мама ответила что-то неразборчивое и мягкое, и по одному этому голосу Маргарита поняла: мама сейчас разводит их, как разводила всегда, одними и теми же словами, потому что других у неё не осталось.

Она подперла щеку рукой и стала смотреть в окно. Двор был тот же, что в детстве: качели с отломанным сиденьем, покрашенный в белый ствол старой липы, куст, где они с девчонками жгли в девятом классе чужую тетрадь по химии. Всё на месте. Только она тут больше не жила.

В шесть с небольшим, когда мама уже расставляла тарелки, звякнул звонок — коротко, один раз, как звонят люди, уверенные, что откроют сразу. Камила сорвалась с места так, что уронила салфетку, и унеслась в прихожую. Было слышно, как она сказала что-то шёпотом и засмеялась.

— Ну, идём, идём, — донеслось до гостиной. — Все уже ждут.

Они вошли вдвоём. Камила держала его под руку, прижимаясь плечом, и смотрела снизу вверх, а он отвечал ей улыбкой — тем самым движением губ, которое Маргарита помнила до мельчайшей складки у угла.

Дарк.

Он был в рубашке, чистой и выглаженной, и в туфлях, которых у него не могло быть в ту ночь. Он шёл вперёд по этому коридору спокойно, как ходят в собственный дом. И потом, поравнявшись с диваном, он посмотрел прямо на неё, потому что не мог не посмотреть: двери в гостиную только одна.

Он замер. На полшага, на четверть секунды — Маргарита даже не была уверена, что это заметил кто-то, кроме неё. Правая рука пошла к карману, будто за телефоном, и остановилась. Потом он отвёл глаза и посмотрел на Камилу так нежно, что стало противно.

Маргарита не встала. Она сидела, положив руки на колени, и слушала, как в ушах шумит чайник, стоящий на выключенной плите, и как мама говорит:

— Ой, какой молодой! Камила, ты не сказала, что он такой молодой!

Она заставила себя вдохнуть, потом выдохнуть. В груди что-то сжалось и не хотело разжиматься, но она поднялась со своего места, сказала «здравствуйте» — вежливо, ни на кого не глядя, — и села обратно. Он ответил то же самое: «Здравствуйте», — и голос его не дрогнул, только чуть-чуть, на самом первом слого.

— Знакомьтесь, — объявила Камила, сияя, и обняла его за пояс двумя руками. — Это Дарк. Мой жених.

Отец наконец отложил пульт и поднялся, чтобы пожать руку. Мама засуетилась с чашками. Камила что-то щебетала про то, как они встретились, и это было враньё, всё до последнего слова, но Маргарита не помнила ни одного из них, потому что смотрела на его руку на плече сестры и на ссадину, которая у него уже зажила, оставив светлый след у костяшек.

Она поела быстро, не чувствуя вкуса: две ложки салата, кусок курицы, отказалась от чая. Сказала, что у неё смена. Мама ахнула, спросила, почему в такой день, и Маргарита соврала, что её вызвали, что заменитья некому, и это была первая ложь за вечер, которая её не мучила.

В прихожей, пока она натягивала кроссовки, за спиной появилось тепло и запах чужого мыла.

— Ты уходишь? — спросил Дарк почти беззвучно.

— Да.

— Подожди на улице.

Маргарита выпрямилась и наконец посмотрела ему в лицо. Он стоял близко, и она увидела, что он не такой спокойный, как хотел казаться: у него дрожали ноздри, как у человека, который долго бежал.

— Зачем? — сказала она. — Тебе тут жениться.

Он не ответил. За спиной у него из кухни уже звала Камила — «Дарк, ты где?» — и он шагнул назад, в проём, как шагают с рельсов перед поездом. Дверь Маргарита закрыла сама.

На улице было душно. Начало июля, тополиный пух лежал в трещинах асфальта, у магазина на углу продавали черешню из ящика, и мальчишка-продавец лениво отгонял от ягод мух газетой.

Глава 2

Маргарита шла к остановке и ждала, что её кто-то догонит. Догнали её только собственные мысли, все сразу и все неудобные: что она месяц вспоминала ночь в кафе как лучшее, что случилось с ней за год, и что эта ночь была просто кофе и разговор про мусорные баки.

Она села в автобус, проехала восемь остановок и всю дорогу держала в кармане телефон, хотя ждать звонка было не от кого.

Дома она легла в четыре утра, а встала в девять, потому что больше не спалось. Сменила номер квартиры на новый листок в блокноте и не позвонила ни маме, ни сестре.

На следующую смену Дарк приехал к закрытию. Она не сразу его узнала — в свете фар он стоял у крыльца, руки в карманах, и ждал, пока она закончит со стулом, который выносила на улицу.

— У тебя тут всё та же муха в углу, — сказал он вместо «здравствуй».

Маргарита поставила стул и вытерла ладони о фартук.

— Я не хочу разговаривать.

— Не будем. Я тебя отвезу. Ты в курсе, что уже полвторого?

— Я пешком.

— Двадцать минут. Полвторого. Пешком.

Она взяла из подсобки сумку и вышла. Не потому, что согласилась. Просто у неё не было ни одной причины врать или бояться на улице.

Дорога заняла семь минут. Он вёл молча, обе руки на руле, и только на повороте к набережной спросил:

— Ты в тот вечер сильно испугалась?

— Кто? Я? — Она усмехнулась. — Я испугалась, что не успею доехать на автобусе до полуночи.

— Ты поняла, о чём я.

— Испугалась, — сказала она. — Да.

Квартира оказалась маленькая, две комнаты и кухня, в которой пахло не едой, а стиральным порошком. На подоконнике стояли гантели, на стуле висела футболка, на столе — ноутбук и кружка с остывшим кофе. Он не стал ничего прятать и ничего показывать. Просто налил ей воды и сел на пол, спиной к дивану, оставив ей диван.

И дальше всё получилось само, без единого слова о том, что правильно. Он поднялся, чтобы взять у неё из рук стакан, и не отпустил её руку, и она увидела сверху, как у него на шее бьётся жилка. Она сама наклонилась.

Он целовал её медленно, как человек, который не уверен, что ему разрешили, и всё время держал ладонью её затылок, будто боялся, что она уйдёт. Футболка у него была мокрая под мышками от жары, от него пахло солью и стиральным порошком. Пуговицы на её блузке не расстёгивались, он всё равно справился, и Маргарита потом всю ночь вспоминала, как он выдохнул у неё над ухом, когда она провела ладонями по его спине, по шраму под лопаткой.

В постели он был не грубый. Тяжёлый, горячий, честный — так, наверное, и бывает, когда двадцать три и всё время в зале: он не торопился, держал её бедра и раз за разом шёл медленнее, чем мог, и от этого ей хотелось то плакать, то смеяться. В перерыве они лежали на мокрой простыне, и вентилятор гонял по комнате тёплый воздух, а она слушала, как у него в груди стучит, и считала удары, и не считала их, потому что сбивалась.

Он заснул под утро, на животе, положив руку ей на бедро, как на поручень. Маргарита не спала. Смотрела в потолок и думала, что всё это ужасно, и понимала, что всё равно останется.

Разбудил её звук телефона. Звонила Камила. Экран светился на стуле рядом с её блузкой, и Маргарита смотрела на имя и не брала.

Дарк проснулся, увидел, посмотрел на неё долго, а потом сказал одно слово:

— Не бери.

— Я ей скажу.

— Не надо.

— Скажу. Она — моя сестра.

Он сел на кровати, взял её за руку и держал крепко, и в лице у него было что-то, чего она не видела раньше: не стыд и не страх, а что-то вроде боли.

— Я должен на ней жениться, — сказал он. — Так нужно. Причину я тебе не скажу. Просто поверь, что так нужно.

— Что это значит?

— Это значит, что ты уедешь отсюда и ничего никому не расскажешь. Мне нельзя. Правда нельзя.

Она забрала руку и стала одеваться.

Она ушла от него в семь утра, в той же блузке, в которой сидела за столом у родителей девять часов назад, и по дороге домой купила бутылку воды и выпила её всю, стоя у ларька.

Больше он её не уговаривал. Да и уговаривать было нечего: она не могла никому сказать, а значит, все оставалось как есть.

Дальше пошли три месяца, которые она потом вспоминала как один длинный вечер. Он приезжал за ней после смен через ночь, реже — через две, всегда поздно, всегда на одну ночь. Иногда они ехали к нему, и там в холодильнике уже лежали её любимые йогурты, а на подоконнике вместо гантелей появился кактус в горшке из-под кофе, и Маргарита один раз спросила, откуда он знает, что она любит клубнику, и он ответил, что запомнил с ночи в кафе, потому что она два раза сказала, что у них в чизкейке слишком много печенья и слишком мало клубники. Она засмеялась и подумала, что человек, который помнит такое, не может быть плохим. За эту мысль она потом себя и ненавидела — за то, что находила ему оправдания так же старательно, как когда-то их искала мама.

По выходным она приезжала к родителям. Не всегда, но часто — маминым голосом, её просьбами, «Ритуля, я испекла, приезжай, всего на пару часов». Каждый раз одно и то же: подъезд с запахом сырости, коврик у двери, отцовское кресло, телевизор, и Камила с Дарком на диване.

Он был хороший жених. Это было самое невыносимое. Он привозил маме цветы, а отцу — коньяк, и с отцом говорил о постройках, о ценах на металл, о том, что сейчас берут панель

вместо кирпича. Он держал Камилу за руку и смотрел на неё так, будто она в комнате одна. Камила расцвела и стала ещё невыносимее: она по-хозяйски брала его за подбородок и поворачивала к себе, когда хотела поцеловать, при всех, будто показывала фокус.

— Ты чего такая бледная? — спрашивала она сестру. — Плохо спишь? Или у тебя там завелись проблемы?

— Ночные смены.

— Может, тебе другую работу?

— Может.

Маргарита сидела и ела мамин пирог, и пирог был вкусный, а ей становилось всё хуже. Она смотрела на его пальцы на Камилином плече и вспоминала, где эти пальцы были ночью. Она выходила мыть посуду — ей всегда хотелось что-нибудь делать руками, — и через минуту в кухню заходила мама и говорила:

— Ты у меня худая стала. Поешь.

— Я поела.

— Ты на меня обиделась? За что-нибудь?

— Нет, мам.

Мама бы не поверила, если бы Маргарита сказала правду. А может, поверила бы сразу, и это было хуже.

В сентябре, на бабушкином поминальном дне, когда стол был накрыт по-старинному, с пирогами и компотом, а отец выпил третью рюмку и подобрел, Камила сказала:

— Мы решили. В декабре. Ну, то есть дату надо привязать к его работе, но в декабре точно.

Мама всплеснула руками. Отец сказал: «Разумно». И Камила начала перечислять, кто где сядет, кого звать, сколько стоит ведущий, и про платье, и про то, что хочет карету, потому что это её единственная свадьба, и она заслужила.

Маргарита резала пирог. Нож шёл по слою яблок и варенья, и на четвёртом куске у неё в руке что-то лопнуло, как струна, и она подумала очень ясно: нет. Хватит.

— Скажу тост, — произнесла она и встала, и в комнате стало тихо, потому что она здесь никогда не вставала.

Она посмотрела на Дарка, и он побледнел. Она видела это в первый раз за всё время — до этого он бледнел умело, наполовину, как актёр.

— За Камилу, — сказала Маргарита. — У неё будет хороший муж. Он спит со мной с июля.

Секунду в комнате ничего не происходило. Потом мамина чашка стукнула о блюдо, чай пошёл по скатерти, и Камила медленно повернулась к жениху и спросила:

— Что?

Дарк убрал свою руку с её плеча так, как убирают её с горячего.

— Камила, — сказал он, — это неправда. Она... ты же её знаешь. Она всегда что-нибудь придумает. Она.

— Это неправда, — повторил он громче, и голос у него поехал. — Она сама... ты не знаешь, какая она. Она первый раз ко мне подошла. Она пришла ко мне на работу! Она знала, что мы с Камиллой вместе, и всё равно пришла. Я не... Я не виноват, что она так себя ведёт.

Маргарита стояла с ножом в руке и смотрела на него. Никогда до этой минуты у неё не было такого ясного зрения. Она видела его целиком: мокрые от пота виски, рубашку, застёгнутую до верха, аккуратную причёску, дрожащие пальцы, которыми он искал салфетку. Он говорил быстро и мелко, как человек, который в зале наконец встретил того, кто тяжелее.

— Скажи им, — тихо проговорила она. — Как было. В июле.

— Ничего не было, — сказал он ей в лицо. — Ты выдумала. Тебе просто... — он запнулся, — тебе просто скучно.

Камила закричала. Это был не плач, а именно крик, высокий и рвущийся, как у чайника; она вскочила, опрокинув стул, и ушла, и хлопнула дверью так, что в серванте звякнул хрусталь.

Отец поднялся медленно. Маргарита видела, как он распрямляется, как идёт вокруг стола — к ней, и как при этом на лице у него не было ни удивления, ни гнева от неожиданности. У него было другое. Что-то вроде облегчения. Будто он ждал этого годами и наконец получил право.

— Дрянь, — сказал он спокойно. — Вся в мать.

Он ударил её по щеке. Ладонью, наотмашь, от плеча, как бьют не в ссоре, а по-настоящему; у Маргариты мотнулась голова, и в ухе загудело, и на языке стало солёно от разбитой губы. Она выпрямилась и посмотрела отцу в глаза, потому что до этого всю жизнь отводила взгляд.

— Вон, — сказал он. — И больше сюда не приходи. Никогда.

Мама сидела у стола и качала головой. Туда-сюда, туда-сюда, как маятник, и молчала, и это было хуже всего в том вечере — хуже пощёчины и хуже слов Дарка. Маргарита ждала одну секунду, ещё одну, потом сняла с крючка куртку.

— Мам.

Мама закрыла лицо руками.

Она оделась в прихожей. Пока завязывала кроссовки, из комнаты доносилось, как Дарк говорит отцу: «Я не понимаю, что случилось, я честно не понимаю», и как отец отвечает ему: «Не переживай, парень. Мы всё уладим». Про неё никто не сказал больше ни слова.

Форточка на кухне была открыта, и с улицы тянуло холодом. Маргарита вышла, спустилась по лестнице, дошла до остановки и только там, под фонарём, почувствовала, что щека горит, а ладонь холодит.

Автобус шёл долго. Она сидела у окна и смотрела, как за стеклом плывут витрины, закрытые на ночь, и у неё в голове всё время повторялась одна фраза, сказанная им ровно и без запинки: «Ты выдумала». Как будто та ночь была просто плохим фильмом, который посмотрела одна Маргарита.

Дома она не заплакала. Умылась, смыла с губы кровь, посмотрела на себя в зеркало и увидела на скуле тёмное пятно, которое к утру станет синим. Потом села и составила список на листок из блокнота. Первое: симкарта. Второе: кафе. Третье: не отвечать. Она даже не подумала написать «родители» — просто «не отвечать», и этого хватило.

Симку она поменяла через день, в салоне у метро, где девушка за стойкой долго выясняла, почему она отказывается от прежнего номера. Кафе — через неделю: подошла к Светлане Ивановне и сказала, что уходит по семейным, и та не расспрашивала, только посмотрела на её скулу и сказала, чтобы она взяла отпускные и не появлялась тут месяц, а там посмотрят. У Маргариты от этого стало тепло в горле, и она до конца смены накрывала столики у окна, потому что не хотела, чтобы её видели.

К октябрю пахло мокрым асфальтом и жжёной листвой. Она шла домой с последней смены по Литейной — мимо старых домов с высокими арками, мимо закрытой пекарни, где опустили железную штору, и думала о том, что теперь у неё нет ни семьи, ни жениха, ни работы, и что двадцать лет — не возраст, чтобы начинать с нуля, но она всё равно начинает и другого варианта нет. Мысли были тяжёлые, шли по кругу, и она не заметила, как вышла на проезжую часть там, где тротуар ремонтируют и ходить негде.

Визг тормозов ударил прямо в затылок. Синие фары залили её целиком, и на секунду всё вокруг стало белым. Машина встала от неё в полуметре, чуть развернувшись на мокром, и слышно было, как в салоне что-то упало на пол от резкого торможения.

Маргарита стояла на месте. Ноги не двигались.

Дверь открылась. Из машины вышел мужчина в светлом пальто, без шапки, с пакетом из продуктового, который он бросил на сиденье. Лицо у него было бледное, и первое, что он сказал, было вопросом:

— Ты цела?

— Цела, — сказала она. Голос вышел хриплый, как после болезни.

— Ты вообще видела, куда идёшь? — Он подошёл ближе и остановился на расстоянии, на котором останавливаются люди, привыкшие не пугать. — Там знак. Там ремонт.

— Я знаю. Я задумалась.

— Задумалась. — Он выдохнул, провёл ладонью по лицу. — Ладно. Давай отойдём на тротуар, а то я сейчас второй раз тебя чуть не убью.

Она перешагнула через бордюр, он пошёл рядом, и она заметила, что он не смотрит на неё, а смотрит на дорогу — прикидывает, сколько ему оставалось до неё, и от этого у него до сих пор не разжимались пальцы. Ему было не двадцать три. Ему было сильно больше двадцати трёх: седые волоски у виска, светлое пальто сшито хорошо, часы на руке тяжёлые. И при этом лицо молодое, без отёков и без усталости, как у человека, который спит по восемь часов и ходит в бассейн.

— Докуда тебе? — спросил он.

— Я сама.

— Я не спрашиваю, сама или нет. Докуда?

— На Полевую.

— Это в другую сторону от того, куда ты шла, — сказал он. — Ты точно задумалась.

Он довёз её. Она сидела на переднем сиденье, пристёгнутая, и старалась не смотреть на панель, на которой светилось немыслимое количество кнопок, а он всю дорогу молчал и один раз, на светофоре, посмотрел на её скулу.

— Это кто?

— Что?

— Тёмное. — Он кивнул на её лицо. — Это тебя?

Маргарита не ответила. Он тоже не стал переспрашивать и больше до самого дома ничего не сказал. У подъезда он остановил машину, вышел первым, открыл ей дверь и протянул руку — не чтобы помочь выйти, а чтобы забрать у неё сумку и донести до двери. Сумка была тяжёлая от учебников.

— Мигель, — сказал он. — Меня зовут Мигель. А тебя?

— Маргарита.

— Маргарита. — Он повторил её имя так, будто записывал куда-то. — Ты учишься?

— Учусь.

— Тогда вот что. — Он достал из кармана визитку, тонкую, с двумя строками. — Я не буду делать вид, что это случайность, потому что ничего случайного не бывает. Я ищу человека в приёмную. Телефоны, письма, встречи, документы, ничего сложного. Работа с восьми до семи, пять дней. Если ты готова, позвони в понедельник, до обеда.

Она взяла визитку и посмотрела на неё под фонарём. Фирма называлась совершенно обыкновенно — «Стройкомплект», и на этом обыкновенном месте была маленькая вытесненная эмблема, какую она потом находила на всех его папках, бланках и щитках на площадках.

Глава 3

Позвонила она в понедельник, в десять. Через неделю сидела за столом у двери его кабинета и училась различать, кто из посетителей пришёл по делу, а кто просто хочет попасть внутрь, потому что «мы с Мигелем Александровичем начинали вместе».

Работа оказалась спасением, и дело было не только в деньгах. К одиннадцати она уже запомнила, где лежат папки, кто из подрядчиков врёт про сроки и что говорить тем, кто требует

своего инженера «сейчас». Она стучала, входила, ставила на стол кофе — без сахара, как он пил, — и уходила, и однажды поняла, что впервые за год у неё есть место, где на неё смотрят и при этом не ищут, чем задеть.

Фирма была большая: три площадки, свой склад, машины, два этажа в здании с широкой лестницей. И стояла она прочно не из-за одного Мигеля — за спиной у него был отец, о котором в офисе говорили с той осторожной почтительностью, какой не устаиваются ни деньги, ни должности, а только отношения. Мигель про отца почти не рассказывал. Один раз, когда она спросила, он ответил коротко: «Он в Петербурге, мы редко видимся», — и перевёл разговор на накладные.

Роман начался на пустяках. Он подвозил её, потому что «всё равно по пути». Потом один раз, когда она задержалась до десяти, сказал ей не идти в метро и подождать. Потом они ужинали в кафе, куда он всегда заранее бронировал столик в углу, и там, в первый раз, когда официант ушёл, он перегнулся через стол и убрал у неё с ресницы хлебную крошку, и она поняла, что все три месяца ждала именно этого.

Он был взрослый. Совсем иначе взрослый, чем Дарк: говорил мало, но всегда то, что и имел в виду; не спрашивал, куда она пошла, а спрашивал, как она спала; и когда она первый раз осталась у него — в большой квартире с видом на реку, где в шкафу висели только серые и чёрные вещи, — он утром сам сварил ей кашу и поставил её на подоконник, потому что ей нравилось есть там, у стекла.

На работе они держались так, что никто бы не догадался. Она приносила ему кофе и говорила «Мигель Александрович», а он отвечал ей «Маргарита Сергеевна» так серьёзно, что она едва не смеялась в коридоре. Сотрудницы её любили, а он на людях был ровный со всеми, и поэтому роман жил как бы на другой половине дома: сначала звонок от него вечером, потом машина у ворот, и город оставался снаружи.

Маргарите было хорошо. И именно поэтому она не сразу заметила, что счастье у неё устроено как чужая квартира, куда она заходит по звонку.

Дарк появился в декабре, за неделю до новогодних корпоративов. Он пришёл в офис как посетитель, с папкой, и сказал на входе, что у него дело к Мигелю Александровичу по объекту на Восточной. Маргарита подняла голову от журнала регистрации и увидела его раньше, чем он увидел её; у неё не изменилось лицо, потому что она успела этому научиться за три месяца в родительском доме.

— Добрый день, — сказала она. — По какому вопросу?

Он замер с папкой в руках. Посмотрел на её стол, на табличку с именем и должностью, на кольцо-печатку на её пальце, которое было просто кольцо.

— Ты тут работаешь?

— Я слушаю вас по делу.

— Маргарита...

— Если вы по делу, я запишу вас на два часа. Если нет, извините, у меня посетители.

Он ушёл. Она весь день потом писала письма с одной и той же опечаткой и злилась на себя, а не на него, что было самое унижительное.

Через три дня Мигель позвонил ей в обед и сказал ровно:

— Зайди на минуту.

В кабинете пахло кофе и табаком. Мигель стоял у окна, спиной к двери, и на столе у него лежала та самая папка, раскрытая. Он обернулся, и Маргарита по его лицу поняла всё сразу, до единого слова.

— Тут человек приходил, — сказал он. — Рассказывал про тебя. Про твоего отца, про сестру, про него самого. Про то, чем ты занималась в июле и в августе.

— Дай мне сказать.

— Я всё прочитал и всё выслушал. Ты с ним жила, пока он был женихом твоей сестры.

— Он тебе сказал, с чего началось?

— Он сказал, что ты сама пришла к нему на работу, — Мигель говорил тихо, без крика, и от этого каждая фраза падала как гиря. — Что ты знала про сестру. Что ты требовала денег, когда он решил прекратить.

— Это ложь.

— Он принёс выписку. Двести тысяч на карту. Твоё имя, апрель.

Маргарита задохнулась. Двести тысяч в апреле были её — она три года подрабатывала с мамой на школьных ярмарках и откладывала, и об этом знали только мама и Камила, и однажды Камила, злая после какого-то своего скандала, сказала при Дарке: «У неё на книжке лежит, она копит на отдельную жизнь».

— Это мои деньги, — сказала она. — Я их сама собрала. Копилка с четвёртого класса.

— Верю, — сказал Мигель, и она поняла, что он не верит. — Маргарита, я не мальчик. Меня так не обманывают.

— Кем ты меня считаешь?

— Я думаю, ты умеешь быть очень убедительной. — Он посмотрел на неё в упор. — И очень нуждающейся.

Она стояла посреди большого кабинета с ковром и шкафами красного дерева и впервые за три месяца почувствовала себя той ночной официанткой в кофейных пятнах, которую чуть не утащил в машину пьяный.

Он сказал ей ещё два слова, и оба были короткие. Что ему не нужна в доме женщина с такой репутацией. Что в офисе она может остаться до конца недели — и на этом он её отпустил, отвернувшись к окну, и она вышла, и коридор был длинный, и до конца коридора она шла, не дыша.

Вечером, когда все ушли, он вызвал её ещё раз. На столе стояла бутылка, и он был уже пьян — не сильно, но достаточно, чтобы говорить вслух то, что днём держал на замке. Он сказал ей, что не может её отпустить. Сказал это как оскорбление. Потом взял её за руку, потом поцеловал, и дальше она не помнила, как оказалась на столе, подпертая его ладонью за шею, с задранной юбкой и его ремнём на полу, и он брал её грубо, коротко, отчаянно, будто хотел и одновременно мстил, и в конце концов встал, отошёл к сейфу и вынул оттуда деньги.

— Вот, — сказал он. — Я не беру бесплатно. Возьми.

Она не сразу поняла, что он делает. Она собрала волосы, поправила блузку, посмотрела на деньги, потом на него. Хотела закричать — и не смогла, потому что в горле стало тесно. Тогда она сделала единственное, чего он от неё не ждал: взяла пачку и бросила ему в лицо. Купюры разлетелись по ковру, он вздрогнул и отступил на шаг.

— Оставь себе, — сказала она. — Девочкам в клубе тоже так платят?

И вышла.

Она написала заявление на следующий день. Мигель не подписал его три дня, потом вызвал и сказал, что по договору она обязана отработать две недели, и что он их от неё получает. Маргарита сказала «хорошо». Она не стала спорить, не стала объяснять, не стала ничего доказывать: подписанные бумаги были на её стороне, а больше ей не на что было опереться.

И две недели он над ней работал. Не орал — орал бы он зря. Делал хуже: при всех передавал ей чашку со словами «помой, я тут не прислугу держу»; задержал выплату за ноябрь и потребовал переделать отчёт, потому что «ты, видимо, не умеешь работать головой»; велел перевести по этажам коробки со старой документацией и потом придирался к порядку в шкафах. Однажды, принося ему подписанные накладные, она услышала, как он в трубке сказал про неё кому-то из знакомых: «А, это та, которая за деньги». Она положила бумаги и вышла, и в туалете на этаже просидела десять минут, вымыв лицо холодной водой.

А по вечерам он звонил. Иногда отпускал водителя и ждал её у выхода на своей машине, и она проходила мимо, как мимо чужого фонаря. Один раз он схватил её за локоть у лифта, и

она сказала: «Убери руку, увидят», — и по его лицу поняла, что попала. Он отпустил и ушёл. В другой раз он при всех похвалил её приказом, чтобы никто ничего не заметил, а вечером прислал сообщение: «Не уходи». Она прочитала и не ответила.

Она держалась. Двенадцать дней держалась, потому что знала, что за это время научилась делать свою работу лучше всех в приёмной, и потому что нужно было дожить до аванса, и потому что в глубине души ей хотелось, чтобы он увидел её такой, как она есть.

На двенадцатый день, когда оставалось два, был корпоратив по случаю сдачи объекта. Маргарита подала ему бутылку воды и собиралась уходить, а он задержал её в кабинете взглядом и девять секунд ничего не говорил.

Она приблизилась к столу, поставила на него стакан и сказала:

— Мигель, я ухожу. Но до этого ты меня послушаешь.

— Не начинай.

— Ты можешь оскорблять меня сколько угодно, я привыкла. Только ты же не меня оскорбляешь. — Она наклонилась чуть ближе, и голос у неё не дрогнул. — Ты себя. Потому что ты меня любишь, и ты это знаешь.

И поцеловала его.

Он отшатнулся на секунду — и вернулся к ней сам. Целовал он её не так, как в тот вечер у сейфа: без злости, а голодно, как человек, который три месяца запрещал себе даже смотреть в её сторону, и когда она положила ладони ему на грудь, он с силой прижал их через рубашку, будто проверял, что это правда.

Он сгрёб со стола папки — одна полетела на пол, накладные посыпались веером, — поднял её за бёдра и посадил на прохладную кожу подоконника, но тут же спохватился, что шторы не задернуты, и повёл её к столу. Маргарита сама расстегнула ему ремень, потому что из-за её спины шёл свет от настольной лампы и мешал ему; он опустил тяжёлую ладонь ей на затылок и придержал, когда она достала его, и выдохнул сквозь зубы длинно, как выдыхают после бега.

Дальше она плохо помнила порядок. Помнила стекло лампы под своей ногой, которое чуть не съехало; помнила, как он одной рукой всё время держал её за поясницу, а второй задира л юбку, и колено у него мелко дрожало; помнила, как он вошёл в неё и замер, и оба они молчали так долго, что стало слышно, как в коридоре гудит кондиционер. Он не торопился и всё время смотрел ей в лицо — с такой мукой, будто это она его пришла растерзать. Она обхватила ногами его бёдра и наконец почувствовала, как он ломается, как уходит его расчётливая аккуратность, и дальше он брал её уже как берут, когда не остаётся сил держать марку, — коротко, тяжело, прямо на столе, подложив ладонь под её скулу, чтобы ей было не биться о дерево. Она кончила с прикушенной губой, тихо, почти без звука, и он следом, прижавшись лбом к её лбу, и потом они не разжались ещё минуту, потому что разжиматься означало возвращаться в декабрь и в офис.

Первым отстранился он. Отошёл, застегнул брюки, подобрал с пола папку, поставил на место стул. Маргарита слезла со стола, поправила блузку и собрала с ковра рассыпанные листы, сложила их стопкой, стопку положила на край.

— Поговорим завтра? — спросил он, не глядя.

— Нет, — сказала она.

Она взяла сумку, вышла из кабинета, прошла через тёмную приёмную, вызвала лифт, спустилась, на улице натянула шапку и пошла к метро. Дома она приняла душ, поела суп из кастрюли и легла спать, и впервые за три месяца спала без перерывов до утра.

Мигель остался стоять у стола. Он взял с подоконника её стакан, в котором осталась вода, посмотрел на него, потом поставил обратно. Сел в кресло. Встал. Проверил, закрыт ли сейф. На листах накладных остался след её каблука, и он долго не мог понять, зачем их поправляет, а потом до него дошло, что он делает это точно так же, как она всегда делала.

Он любил её. Это было ясно и мучительно, как зуб, о который всё время задеваешь языком. И рядом с этим стояло слово Дарка — короткое, липкое, сказанное ему в лицо уверенным, деловым голосом человека, который приносит документы. Мигель двадцать девять лет жил с правилом: молодой бизнес в этом городе держится на репутации людей рядом. Он много раз видел, как из-за одной истории в постели рушились сделки, уходили площадки, терялись деньги и знакомства. И в его личной инструкции, которую он никогда не писал на бумаге, было прямо: женщина, которая спит с ним и с его конкурентами, и с женихом собственной сестры, — это не жена. Это риск.

Он не пошёл за ней. И до двух ночи смотрел в потолок, уговаривая себя, что поступил правильно, и чувствуя, что правильно сейчас не помогает совсем.

Дальше пошли месяцы, которые он потом считал по-другому. В работе того года появилось столько сил, сколько раньше не было: он взял два новых объекта, согласовал склад, разругался с подрядчиком. По вечерам пил мало, но регулярно и в одиночестве, чего раньше не делал. Дважды, уже зимой, он проезжал мимо её дома на Полевой и не останавливался. Один раз увидел у метро девушку в клетчатой куртке и успел схватиться за ручник, прежде чем понял, что это не она.

В марте он понял, что не может больше. В его папке лежала бумага, которую он сам перечитывал раз десять и каждый раз злился: заявление Дарка, аккуратно отпечатанное, с двумя абзацами, с именем человека, о котором в фирме знали как о подрядчике по отделке. Он открыл в интернете карту, зашёл на сайт школы, где, как когда-то сказала Маргарита, работала её мама, и нашёл фамилию в списке учителей.

Дальше был дом. Обычная пятиэтажка на другой стороне города, подъезд, где пахло сыростью, и звонок с номером четырнадцать. Открыла женщина в домашнем платье, худая, с очень усталым добрым лицом и с мукой на виске.

— Здравствуйте, — сказал Мигель. — Я начальник Маргариты.

Мать замерла, потом отступила и пропустила его внутрь.

В прихожей было тесно от зимних курток и обуви, и стоял запах щей — она варила щи, потому что был вторник.

— Проходите, — сказала она. — Вы... вы его нашли? Он ждёт?

— Ничего не случилось, — сказал Мигель. — Я просто хотел поговорить.

Она провела его в комнату, где по телевизору шли новости, и в кресле у окна сидел мужчина лет пятидесяти, в спортивных штанах и жилетке поверх рубашки. У него были тяжёлые руки и глаза, в которых не было ни одного тёплого движения: он смотрел на вошедшего так, будто тот пришёл выбивать долг.

— Здравствуйте, Сергей Петрович.

— Ты кто?

— Мигель Александрович. Руководитель Маргариты.

— Маргариты, — повторил отец и отвернулся к телевизору. — Не знаю такой. У меня одна дочь, Камила.

Мигель молчал ровно столько, сколько было нужно, чтобы это прозвучало в комнате достаточно ясно.

— Сергей, — сказала мать негромко. — Человек с дороги.

— Пусть едет дальше.

— Я вам не помешаю, — сказал Мигель. — Я хотел спросить только одно: как вы дошли до того, что перестали считать её дочерью?

Отец прибавил звук.

Мать смотрела на Мигеля и одновременно — на мужа, и по её лицу было видно: она решает то, что решала всю жизнь. Она встала, ушла на кухню и вернулась с тарелками.

— Снимайте пальто, — сказала она. — Будете есть. У нас щи.

Он поел. Он сел за стол, где в вазе с отбитым краем стояли сухие ветки, и ел щи и хлеб, и мать подкладывала ему добавку, и за эти двадцать минут он увидел весь их дом как на ладони: как она подаёт и убирает, как отец требует, чтобы окно в гостиной было закрыто, как она закрывает, как он говорит «опять ты не так посолила» и как она кивает, и как в её лице держится что-то очень давнее, износившееся до дыр, но живое.

Камила вышла из своей комнаты, когда Мигель уже собирался уходить. Она была в халате, с распущенными волосами, и, увидев у вешалки чужое светлое пальто, сразу переменила лицо.

— Ой, а вы кто?

— Мигель.

— Мигель, — она произнесла имя нараспев, — красивое. Вы к папе?

— Я к вашей матери.

— К маме? — Она засмеялась так, будто он сказал что-то милое. — У мамы кроме борща ничего интересного нет. Расстёгивайтесь, посидите. Вам кофе сварить?

Она прошла мимо него совсем близко, придерживая халат у груди, и улыбнулась — не открыто, а тем самым способом, каким улыбаются, чтобы проверить, работает ли ещё. Работало. Она это увидела и осталась довольна.

— У вас сестра есть? — спросил Мигель.

— Есть. И не общаемся, и не собираюсь.

— Почему?

— Потому что она... — Камила искала слово, — она ничего не понимает в людях. И вообще она была женой у меня... — она вдруг запнулась, посмотрела на него и решила, видимо, что слушать некому, — в общем, там своя история.

— А жених?

— Дарк. Мы с ним ещё вместе, — сказала она легко. — Он немного путается, но это временно. Он на мне женится.

Мигель надел пальто и попрощался. Мать проводила его до двери.

— Маргарита живёт на Полевой, — сказала она тихо, у самой вешалки, — дом семь, квартира двенадцать. Только вы ей не говорите, что это я вам сказала. Она у меня гордая, если узнает, что я через вас передавала, — не приедет.

— Откуда вы знаете, где она живёт?

— Я её видела, — мать смотрела куда-то в сторону лестницы. — В августе. Стояла у магазина на другой стороне. Я подумала: подойду и не подойду? И не подошла. Я даже не знала, как к ней теперь обращаться.

Мигель уже взялся за ручку двери, когда из гостиной донеслось:

— Кто там ещё, Лен?

Он не выдержал. Вернулся в комнату, встал у кресла и сказал всё, что думал, глядя прямо в лицо:

— Вы сидите тут в кресле двадцать лет и мстите жене за то, что она когда-то в чём-то вам призналась. А получилось так, что вы мстите не ей, а девочке, которая в этом вообще не участвовала. Она работала ночами в кофейне и собирала монеты, чтобы не просить у вас ни рубля. Вы ей даже не сказали «здравствуй». Вы честный человек, Сергей Петрович? Так вы не честный. Вы просто слабый и держитесь за то, за что никого не жалко.

Отец сначала приподнялся с кресла и заорал — так, что Камила высунулась в коридор. Потом сел обратно. Потом, к полному удивлению Мигеля, развёл руками и сказал уже спокойно и почти буднично:

— А чего мне тебе ответить? Что я ей пожелать могу? Ничего не могу. Она мне не дочь.

— Что?

— Не дочь, — сказал отец и снова повернулся к телевизору. — Жена сама призналась. В две тысячи восьмом. Я не дурак, я считать умею. Вот и весь разговор. Хочешь — спрашивай у неё, она тебе всё расскажет.

Мать стояла в дверях и не спорила. Она стояла очень прямо, держась двумя руками за край платья, и молчала, и в её молчании Мигель прочитал всё: и что правда давняя, и что живёт она с этой правдой в одной квартире уже восемнадцать лет, и что Маргарита не знает об этом ничего.

Он вернулся через три дня, днём, когда Сергей Петрович был на работе. Елена Тимофеевна открыла не сразу — сначала за дверью щёлкнул замок, потом она выглянула в щель, увидела его и всё равно не пустила, а стояла, держась за косяк.

— Он вам наговорил. Вы не верьте всему.

— Я и не верю, — сказал Мигель. — Я пришёл спросить у вас.

Она подумала и отступила. Они сидели на кухне, где на плите в кастрюле доходили щи, и она машинально мешала их половником, потом ставила половник на край, потом снова брала. За окном натянули бельё, и по стене двигались тени от простыней.

— Как его зовут? — спросил Мигель.

— Андрей. Ильич.

— Фамилия?

Она назвала. Потом положила половник, вытерла руки о полотенце и рассказала, как это было, коротко, без украшений, будто зачитывала чужой протокол. Тогда у неё умерла мать, Камиле был год, с Сергеем они уже жили плохо — не ссорились, а молчали месяцами, потому что он был из тех мужчин, у которых обида заменяет разговор. На работе приезжал человек из области по школьному оборудованию, ставил в кабинетах новые шкафы, остался на две недели. Он был старше её на шесть лет, добрый и в разговоре простой, и с ним она впервые за три года почувствовала себя не виноватой, а просто живой. Он уехал в конце апреля, оставив телефон на бумажке, и обещал вернуться. В июне она поняла, что беременна, и не позвонила, потому что у него была своя жизнь, а у неё — муж и дочь, и потому что Сергей по календарю ничего бы не заметил. Заметил он через год, по глазам, по тому, что дочь не была на него похожа, а когда спросил напрямую, она заплакала и всё сказала сразу.

— И он?

— Он меня не выгнал, — сказала она. — Он поступил хуже. Остался. И с тех пор каждый день напоминал мне, что простил.

Номер Андрея Ильича она нашла в старой записной книжке, вложенной в коробку с пуговицами. Мигель переписал цифры в блокнот, поблагодарил и ушёл, а она всё стояла в дверях и держала рукой платок.

Андрей Ильич жил в райцентре в трёх часах езды и работал на комбинате по ремонту техники — должность называлась длинно, но по сути он был человеком, который двадцать лет чинил всё, что ломается. Мигель нашёл его по телефону со второго раза; трубку взяли с шумом, будто в мастерской, и сказали: «Андрей, тебя». Он приехал в субботу, к гаражу, и увидел мужчину в ватнике и кепке, с седой щетиной, с руками в мазуте. Они отошли к кирпичной стене, где на солнце сохло разобранное колесо.

Мигель сказал прямо: у него есть дочь. Зовут Маргарита, ей двадцать, учится, работает, живая, упрямая, любит клубнику и не любит, когда за неё решают. Мать — Елена Тимофеевна, учительница из города, с которой он прожил две недели в апреле тысяча девятьсот девяносто девятого.

Андрей Ильич долго ничего не отвечал. Потом вытер ладони о ватник, хотя руки всё равно были чёрные, достал сигареты, не закурил и спрятал обратно. Потом сказал:

— Девяносто девятого. Я тогда шкафы ставил в школе, в две смены, потому что просили к сентябрю. — Он смотрел в землю. — Я ей звонил. С мая. Никто не брал.

— Телефон был домашний, — сказал Мигель. — Там трубку брал муж.

Андрей Ильич кивнул, будто это объясняло всё сразу, и надолго замолчал, и в этом молчании было больше, чем в любом плаче. Потом спросил только одно:

— Она похожа на мать?

— На мать.

— А глаза?

— Глаза у неё серые, — сказал Мигель и увидел, как в лице этого человека что-то встало на место. — И она часто хмурится, когда думает, вот так. — Он показал.

Глава 4

Они договорились, что Андрей Ильич пока никуда не поедет. Он сам это условие и выставил: сначала он должен узнать, чего хочет она, и не появится, если его не позовут. На прощание он пожал Мигелю руку крепко, и Мигель ушёл с ощущением, что в этой истории впервые за девятнадцать лет кто-то повёл себя порядочно.

А вечером Мигель стоял на Полевой, у второго подъезда пятиэтажки, и смотрел, как в окне на четвёртом этаже зажигается свет.

Она открыла после третьего звонка, в свитере на голое тело и с полотенцем на голове. Увидела его и не удивилась, и это было самое странное: весь вечер она, видимо, ждала именно его.

— Ты как меня нашёл?

— Если я управляю фирмой, — сказал Мигель, — я найду адрес.

— Умно. — Она придержала дверь. — Заходи или не заходи?

Он зашёл. В квартире было тепло и тесно, на плите стояла пустая кастрюля, на столе — ноутбук с открытым конспектом и тарелка с двумя остывшими сырниками. Он сел на табурет, не сняв пальто. Она вытерла волосы полотенцем, повесила его на спинку и села напротив, поджав ноги на табурет.

— Я слушаю.

— Я был у твоих родителей, — сказал он. — Два раза. Один раз — при твоём отце, второй — при матери. И я узнал про твоего родного отца.

Маргарита медленно отставила чашку.

— Ты что сделал?

— Я нашёл его. Он живёт за городом, работает на комбинате. Я с ним говорил в субботу.

— Ты не имел права.

— Не имел.

— Ты вообще не должен был туда ездить! — Она встала так резко, что табурет качнулся. — Ты меня вычеркнул, сказал мне в лицо, что я тебе не нужна, швырял деньги, а теперь едешь по моей семье и собираешь сведения, как будто я у тебя объект?

— Да, — сказал он. — Я это сделал.

— И что дальше? Ты приехал мне сообщить, что я не его дочь? Я это знала. Я, знаешь, догадывалась. Мне семнадцать лет было, когда он мне сказал, что я ни в кого не пошла.

Мигель замолчал. Это было первое, чего он не предусмотрел. Он готовился к её слёзам, к истерике, к тому, что придётся объяснять, — а она стояла посреди своей маленькой кухни и говорила это ровно, как человек, который давно перевёз эту вещь из одного ящика в другой и научился на неё не наткаться.

— Тогда другое, — сказал он.

Он рассказал про Дарка. По порядку, без сглаживания: что тот приходил, что приносил документы, что переврал всё — и дату, и то, кто к кому пришёл первым, и чью карту. Про выписку на двести тысяч, которую Маргарита не получала никогда, и про счёт, на который её тогда же положил некий заказчик, у которого Дарк брал подряд. Он вынул из кармана сложен-

ный лист: справка из банка, выписка, короткая, с двумя движениями. Он потратил на неё две недели и одного знакомого в управлении.

— И почему я должен тебе верить?

— Ни почему, — сказал Мигель. — Проверь сама.

Она взяла лист и держала его, глядя не в цифры, а куда-то мимо, поверх окна.

— А тогда, в декабре, — сказала она наконец, — ты не мог это проверить до того, как назвал меня шлюхой?

— Нет.

— Почему?

— Потому что мне было проще поверить бумаге, чем тебе. — Он смотрел ей в глаза, не отводя. — Я всю жизнь строил на бумагах. И ещё потому, что мне тридцать лет в этом году, и я очень боялся выглядеть дураком. Я не трус. Но в тот вечер я вёл себя как трус, и ты это видела.

Маргарита поставила справку на стол, села обратно и подтянула к себе тарелку с сырниками, будто ей вдруг захотелось есть.

— Чего ты хочешь?

— Я хочу, чтобы ты вернулась. — Он выдохнул. — Не в офис. Ко мне. И я буду просить прощения, сколько потребуется, но не буду больше делать вид, что мне нужен ремонт склада, чтобы просто приехать к тебе.

— Встань, — сказала она.

Он встал.

— Пальто сними. У меня, вообще-то, жарко.

Он снял пальто, повесил на гвоздь у двери, и когда обернулся, она уже стояла рядом, и смотрела на него снизу вверх, и лицо у неё было не злое, а очень уставшее, как у человека, дошедшего до конца длинной дороги.

Дальше они не говорили о главном ещё три дня.

Первые три дня она не подпускала его к себе ближе кухни. Он приезжал после работы, привозил продукты, потому что в её холодильнике была вода и половинка сыра, и готовил, потому что она не умела и злилась на себя за это. Он колол дрова у неё в сарае — в пятиэтажке, где никогда не было печки, дрова лежали с прошлого жилья. Она смотрела на это из окна и понимала, что он просто ищет, чем занять руки, чтобы не молчать.

На второй вечер она сказала:

— Если ты сейчас уйдёшь, я не буду за тобой бегать.

— Я не уйду.

— Ты веришь, что я с ним спала?

— Уже месяц — да, — сказал Мигель. — До декабря я об этом не думал вообще, потому что тогда я тебя ещё не знал. А тогда я поверил не бумаге. Я поверил, что могу тебя потерять, и решил потерять первым.

— Красиво.

— Не красиво. Просто так.

На третий день она позволила ему остаться. Такси он отпустил ещё в девять, но остался, потому что она сказала: «Ложись на диване, у меня тут не отель». Через час она пришла к дивану сама, легла рядом, прижалась спиной к его груди и сказала: «Только не разговаривай». Они пролежали так до утра, и он держал ладонь у неё на животе, и от этого у неё в какой-то момент пошли слёзы, тихие, без всхлипов; он почувствовал их только потому, что подушка стала мокрой. Он ничего не спросил. Утром она встала первой, сварила кофе и поставила ему чашку на стол, и это было её прощением.

Всё остальное она решила сама, и решила быстро, за неделю. Отца она не позвала: позвонила ему на новый номер, который он ей оставил, и они проговорили сорок минут — не о себе, а о том, что она ела и когда, и что у неё за окном, и почему она в двадцать лет всё ещё не высы-

пается. Он сказал: «Мне бы тебя на руки взять и не отпускать», — и она засмеялась в трубку, потому что фраза была совсем не в его стиле, и от этого стало понятно, что он тоже волнуется.

Встречу устроили у Мигеля в квартире, чтобы было нейтрально. Андрей Ильич приехал в субботу в десять утра, в рубашке, выглаженной так старательно, что на воротнике остались следы утюга, с коробкой конфет «Птичье молоко», которую, судя по пакету, купил в последнем магазине перед городом. Он встал в дверях и не смог сделать шага, потому что увидел её и узнал сразу — серые глаза, бровь вскинута, руки держит так же, как когда-то держала мать, — и Маргарита, которая с семи утра уговаривала себя не расплакаться, посмотрела на него и всё-таки заплакала, и они оба стояли и не могли сдвинуться, пока Мигель не подтолкнул его в спину.

Дальше они просидели на кухне пять часов. Она узнала, что у него есть сестра в Кемерове, что он третий раз чинит свой «Москвич» и не продаёт, потому что на нём ездил его отец. Она узнала, что он не был женат и что после того апреля не был в этом городе никогда, и что шкафы в её школе — это его шкафы, те самые, в кабинете химии, с облупленной краской на второй дверце, и что у неё в третьем классе была на этом шкафу зарубка от циркуля, которую она не помнила. Он говорил с ней просто, охотно, и над каждой её фразой задумывался, будто выбирал в ответ не самое умное, а самое верное.

К вечеру он уже звал её Ритулей, как мама, и жаловался, что вот эту самую электрическую плиту у Мигеля поставили неправильно, потому что крепление на четыре болта, а не на шесть, и что он завтра ей всё тут переделает.

Об этой встрече Маргарита рассказала матери. Не по телефону — приехала сама, в среду, днём, когда отца не было, и застала Елену Тимофеевну в фартуке, в муке, с противнем.

Они сели на той самой кухне, где Мигель ел щи. Маргарита положила перед матерью фотографию, которую сделала на телефон: Андрей Ильич в её квартире, на кухне, у плиты, с отвёрткой в руках и с нелепо счастливым лицом.

Мама смотрела на телефон долго. Потом встала и ушла в ванную, и там было слышно, как льётся вода. Вернулась она с вымытым лицом и сказала:

— Он не старый.

— Не старый.

— У него руки не такие были. — Она помолчала. — Толще.

Маргарита взяла её руку и держала крепко.

— Mam, я хочу тебя спросить один раз, а ты ответь как хочешь.

— Я знаю, о чём ты.

— Ты зачем живёшь с ним?

Мама вытерла руки о фартук — машинально, годами натренированным движением, — и сказала то, что говорили в её семье женщины до войны: куда же я пойду, у меня дочь, у меня школа, а что люди скажут.

— Камиле двадцать пять, — сказала Маргарита. — Она дееспособная. Люди скажут «наконец-то». Mam, я видела, как ты всю жизнь подаёшь и убираешь и не перечишь. Я думала, тебе это нравится. Мне девятнадцать было, когда я поняла, что не нравится. Я это поняла по себе.

Мама заплакала не как в тот вечер, — тогда она качала головой и молчала. Сейчас она села на табурет, положила голову на стол, на руки, и плакала так, как плачут, когда никто не держит за плечи: долго, с перерывами, вслух. Маргарита сидела рядом и гладила её по спине, пока не кончилось.

Уходить мама решила только в марте. Развод оформили без сцен: Сергей Петрович подписал бумаги быстро и почти с облегчением, а когда мать вечером пришла выносить коробки, сидел в кресле и смотрел телевизор. Единственное, что он сказал, уже в дверях:

— Все вы одинаковые.

Камила тогда закатила скандал — не из-за развода, а из-за того, что дом теперь продают. И уехала к Дарку. Тот снял квартиру на две комнаты, и в апреле у него появилась новая девушка с рыжими волосами, и Камила узнала об этом от третьих лиц, как узнают такие новости.

Мать переехала к Андрею Ильичу, в райцентр. Через две недели Маргарита приехала и нашла мать не в квартире, а во дворе, в комнатке с отслоившейся краской у сеней, где стоял новый стол и коробка с мукой. Мать записалась на курсы и собиралась открыть маленькую пекарню — на заем, с Андреем Ильичом в помощниках, и уже выбрала слово, написанное от руки на картонке: «У Елены». Она ещё ничего не умела, кроме пирогов, но у неё было двое рабочих дней в неделю в школе и одна печь, купленная по объявлению.

Свадьбу сыграли в конце октября, в маленьком ресторане на набережной, на сорок человек. Мигель хотел позвать двести — клиентов, подрядчиков, нужных людей, — но Маргарита сказала: «Если я тебе нужна, то не как выставка», и он сдался быстро, потому что за те месяцы научился понимать, о чём она спорит по-настоящему, а о чём просто проверяет его.

Андрей Ильич вёл её к столу. Он репетировал этот проход три раза, у себя в райцентре, с матерью в роли невесты, и всё равно на середине коридора сбился, остановился и вытер лицо платком, а Маргарита потянула его за руку и прошептала: «Иди, иди, тут недалеко, до стола дойдём — поедим». Елена Тимофеевна сидела на втором месте от края и на свадьбе дочери первый раз за двадцать лет выпила шампанского, не спросив разрешения.

Из её родни за столом никого не было. Камила получила приглашение на открытке, написанной от руки, — Маргарита сама отнесла его в конверте к ней на работу, в парикмахерскую на Кировской, и отдала администратору, чтобы не встречаться. Камила не пришла и не позволила, но через две недели, в воскресенье, появилась у порога дома на Полевой — с ногтями, покрытыми лаком цвета крови, и с этой манерой входить на сцену.

Разговор был короткий. Камила села на табурет, осмотрела кухню, сказала, что у сестры, конечно, всегда был плохой вкус, а потом, без перехода, спросила:

— Ты его любишь?

— Мигеля?

— Дарка. Ты его любила?

— Нет, — сказала Маргарита. — Он мне нравился. И я была одна, и мне было девятнадцать.

Камила стала смотреть в окно и вдруг расплакалась, но зло, с оскорблениями: сказала, что сестра ей всю жизнь всё портит, что она, Камила, всегда была лучше и красивее и всё равно всех теряет, потому что рядом всегда кто-то, кто ниже и наглее. Маргарита не спорила и не утешала. Она налила ей чаю и поставила перед ней тарелку с сырниками, и Камила их съела, всхлипывая, потом собрала сумку и ушла, хлопнув дверью так, что в серванте у соседей, наверное, звякнуло. Больше они не виделись.

Дарк позвонил один раз, ночью, в феврале, — на её новый номер, который узнал, видимо, через мать. Трубку взяла Маргарита, и он молчал секунд десять, а потом сказал: «Это я». Она не ответила ни слова, просто нажала отбой и легла обратно, и Мигель во сне переложил руку ей на плечо. Утром она удалила номер, не почувствовав внутри ничего, кроме лёгкого раздражения, как от рекламного звонка.

Дом купили в мае — двухэтажный, с большим запущенным садом и участком, где половина яблонь была старая, а половина малинника заброшена. Мигель хотел брать новостройку, Маргарита — старое здание с высокими потолками, и она победила, потому что умела приводить один довод вместо трёх: «Тут дети смогут бегать по лестнице». Он на это ничего не ответил, только посмотрел на неё внимательно и с того дня перестал спорить о доме.

Ремонт делали всю осень. Елена Тимофеевна приезжала раз в неделю и мыла окна, отказываясь от рабочих рук, а Андрей Ильич с Мигелем разобрали до основания котельную и собрали заново, и однажды их нашли в подвале в четыре утра: сидели на корточках у сня-

той помпы и обсуждали, у кого в молодости был мотоцикл. В декабре из райцентра привезли первую партию пирогов — Елена Тимофеевна пекла на дому, пока помещение под пекарню ещё достраивалось, и в её коробках каждая булочка была завернута в отдельную бумажку, как в старых магазинах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.